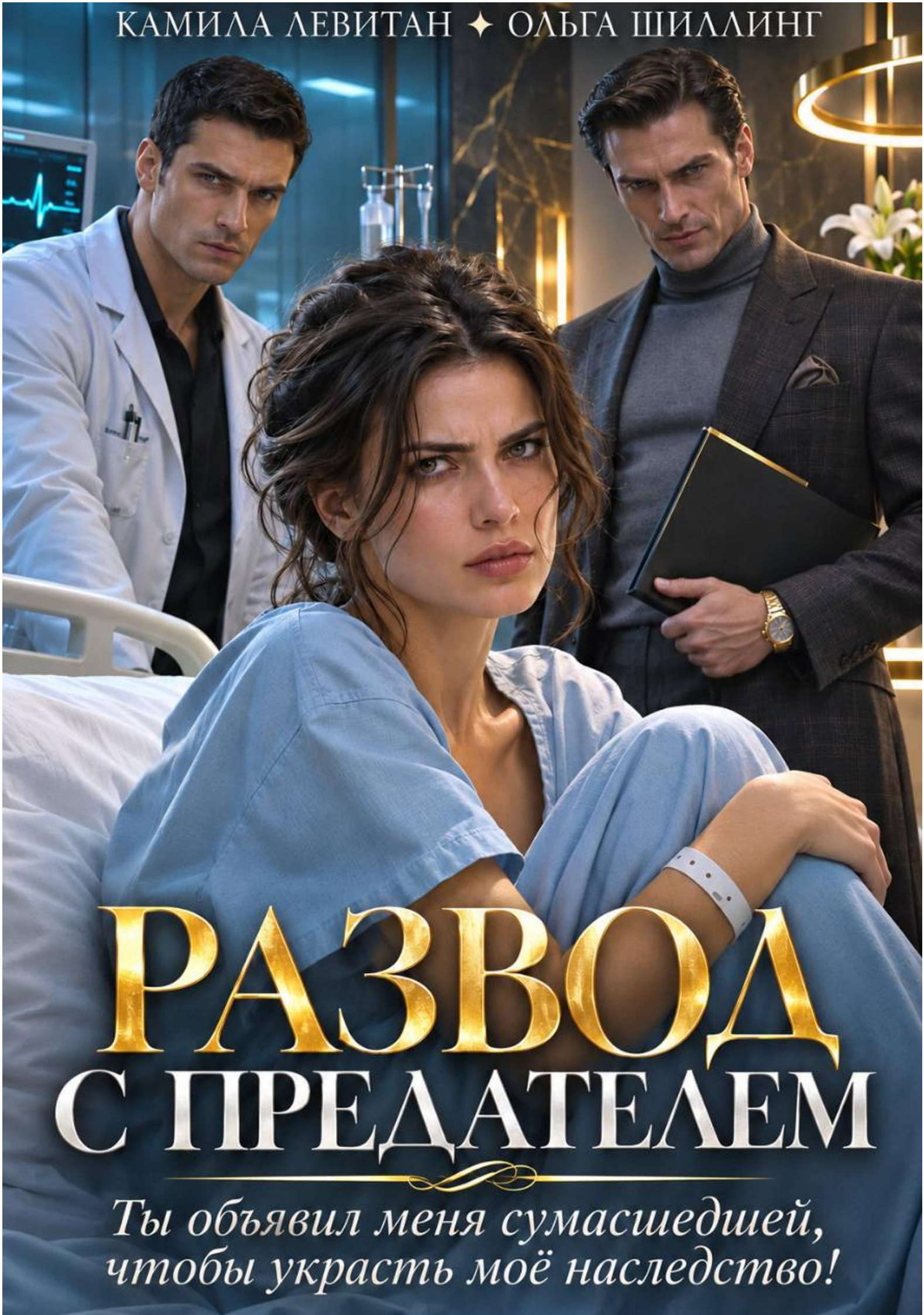

КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ОЛЬГА ШИЛЛИНГ
РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты объявил меня сумасшедшей,
чтобы украсть моё наследство!

Ольга Шиллинг

Развод с предателем. Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть моё наследство!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Развод с предателем. Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть моё наследство! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

Я очнулась после аварии и не могла вспомнить собственную жизнь. Муж держал меня за руку, пока за моей спиной готовил документы о недееспособности. Ему нужны были мои деньги, отель моего отца и власть надо мной.Его любовница уже считала себя хозяйкой моего будущего. А мне предстояло улыбаться, молчать и притворяться беспомощной, чтобы выжить.Единственный, кто предупредил об опасности, — суровый хирург Артур Денисов. Он предложил помощь, но я больше не доверяла мужчинам, привыкшим всё решать за меня.Муж уверен: я ничего не помню и ничего не докажу.Пусть наслаждается победой. Совсем скоро я вспомню всё и разрушу его продуманную ложь.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Камила Левитан, Ольга Шиллинг Развод с предателем. Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть моё наследство!

Глава 1

Белый свет резал глаза даже сквозь прикрытые веки. Я моргнула, пытаясь разглядеть людей над кроватью, но белые халаты сливались с потолком. Пахло антисептиком, гудела вентиляция; от этого непрерывного гула ломило виски. Своё имя я ещё не помнила. Хотела спросить, где я, и заранее боялась ответа: у этих людей были халаты, ключи, какие-то бумаги. У меня — только край одеяла под пальцами.

— Алиса... родная моя, — голос был мягким, бархатистым, пропитанным заботой до приторности.

Я повернула голову. Над кроватью склонился мужчина. Высокий, с идеальной осанкой, в дорогой серой водолазке под расстегнутым пиджаком. Он страдальчески сдвинул брови, а глаза оставались сухими. Следил за мной: узнала? Сейчас заговорю? Он протянул руку и погладил меня по щеке. Кожа его пальцев была сухой, чуть шершавой. Я втянула голову в плечи, насколько позволяла подушка. Он гладил меня, а мне хотелось стереть с щеки каждый след его пальцев. Тошнило сильнее, когда он наклонялся. Кто он? Почему мне так противно, хотя голос у него ласковый?

— Ты напугала меня, — продолжал он, игнорируя мою реакцию. Или делая вид, что не замечает. — Мы так долго ждали этого момента.

Он улыбнулся, чуть приподняв подбородок. Так, наверное, получалось лучше на фотографиях.

Я разжала пальцы на одеяле и тоже растянула губы. Муж? Мне следовало узнать его, обрадоваться, потянуться к нему. Вместо этого хотелось, чтобы он убрал руку. Пусть пока думает, что я рада.

— Виктор, — произнесла я имя, которое всплыло из тумана само собой. Как ключ, найденный на ощупь в темноте.

Его глаза блеснули удовлетворением.

— Да, любимая. Я здесь. Никогда больше тебя не отпущу.

В этот момент дверь палаты открылась, впустив поток коридорного воздуха и еще один запах — приторный парфюм, похожий на «Шанель №5», смешанный с чем-то кислым, как несвежий кофе. Вошла женщина в белом халате, но не медсестра. Слишком аккуратно уложенные волосы, слишком много макияжа для ночной смены. Она держала в руках планшет.

— Документы готовы, Виктор Сергеевич, — сказала она тихо, опуская взгляд.

Виктор не обернулся. Продолжал смотреть на меня; даже на слово «документы» не отвёл глаз. Пришлось удерживать улыбку, хотя щека под его пальцами уже затекла. Его правая рука машинально скользнула во внутренний карман пиджака. Пальцы сомкнулись на прямоугольном предмете. Телефон. Но не его личный. Я увидела краем глаза розовый силиконовый чехол с изображением единорога. Детский бред. Чужой телефон.

Он быстро сунул его обратно, прежде чем я успела моргнуть. Жест был механическим, привычным. Как будто он делал это сотни раз.

«Кто эта женщина? Чей это телефон?»

Я запомнила единорога на чехле. Он хотя бы никуда не исчезал, как всё, что я пыталась вспомнить про себя. Виктор потёр большой палец об указательный, будто стирал липкий след с экрана. Лосьон? Пот? Женщина придвинулась, запах духов стал сильнее. Я хотела отвернуться от обоих, но тогда муж поймёт, что мне противно. Прижала затылок к подушке и осталась смотреть на его руки.

— Медсестра, принесите бульон, — приказал Виктор, не повышая голоса. В этом тоне было столько уверенности, сколько бывает у хозяина, отдающего команду собаке.

Женщина кивнула и исчезла. Виктор остался стоять у кровати, положив обе руки на перила. Он выглядел спокойно. Слишком спокойно для человека, чья жена только что пришла в себя после аварии.

— Что произошло? — спросила я. Голос сорвался, стал хриплым, чужим.

— Машина, дождь, скользкая дорога, — ответил он скороговоркой, будто репетировал эту фразу перед зеркалом. — Тебя увезли сюда. Клиника «Гранд». Элитная закрытая зона. Никто посторонний не войдет.

«Никто посторонний». Он сказал это, чтобы я успокоилась. А я посмотрела на дверь: если позову, кто войдёт, кроме тех, кого разрешит он?

Дверь снова открылась. На этот раз без стука. Вошел мужчина в белом халате поверх черной футболки. Высокий, широкие плечи, коротко стриженные темные волосы. Лицо резкое, скулы выступали под кожей, как ножи. Глаза цвета стали, холодные и внимательные. Он не поздоровался. Не посмотрел на Виктора. Подошел прямо ко мне, достал из кармана маленький фонарик и грубо раздвинул мне веки. Свет ударил в глазницу, заставив меня вздрогнуть и попытаться отвернуться.

— Больно, — процедила я.

— Терпи. Сейчас уберу свет, — бросил врач. Его голос был низким, вибрирующим где-то в груди. Он осмотрел второй глаз и убрал фонарик. — Следите за моим пальцем. Головой не двигайте.

Я проследила за его рукой, пока он не остановил палец перед моим лицом. Потом по его требованию сжала обе его ладони. Он смотрел на мои пальцы, сравнивал хватку и велел повторить — уже не давая мне спрятать дрожь. Его пальцы были холодными, сухими. На запястье блестели часы, дорогие, массивные.

— Доктор, вам кажется, это нормально — так обращаться с пациенткой? — вмешался Виктор. Он повысил голос на слове «нормально». Я ждала, что он уберёт от меня чужую руку, но он лишь крепче вцепился в перила. — Моя жена едва не умерла. Ей нужен покой, а не ваши эксперименты.

Врач медленно выпрямился. Оглядел Виктора от водолазки до рук на перилах и задержался взглядом на лице. Виктор впервые за всё время отвёл глаза от меня.

— Ваша жена жива после операции, которую провёл я, Денисов, — сказал он. — Так что либо заткнитесь, либо выйдите. Мне нужно услышать её ответы, а не ваши.

Виктор сжал челюсти. Я видела, как желваки ходят под его кожей. Он хотел ответить, но проглотил слова. Страх перед этим врачом был заметнее, чем гнев. Или же он просто знал, что сейчас ему лучше молчать.

Врач снова повернулся ко мне. Наклонился ближе. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала запах его кожи — мыло, табак и что-то металлическое, как кровь.

— Меня зовут Артур Денисов, — прошептал он так тихо, что Виктор не мог услышать. — Послушайте меня внимательно, Алиса. Ваш муж планирует завтра утром оформить документы о вашей недееспособности. Он хочет получить полный контроль над вашими счетами и имуществом. Если вы хотите жить и сохранить свободу — сделайте вид, что ничего не поняли. Притворитесь амнезией. Станьте удобной куклой. Пока я не найду способ вытащить вас отсюда.

Я смотрела на белый ворот его халата и ждала, когда он скажет, зачем ему это. Не сказал. Только приказал быть куклой — как будто мог выбрать за меня ещё и способ спасения. Я уже ненавидела это слово. Но Виктор хотел мои счета, а этот хотя бы предупреждал, где ударят. Пока мне придётся держаться за его предупреждение.

Я моргнула. Сделала вид, что не разобрала слов. Просто слабо кивнула, закрывая глаза.

«Удобная кукла». Хотелось открыть глаза и сказать ему, куда идти с такими советами. Но рядом стоял Виктор, и я оставила глаза закрытыми. Пусть видит уставшую жену.

Виктор вернулся к кровати, когда врач отошел.

— Она устала, — сказал Артур сухо. — Оставьте её в покое.

Он вышел, хлопнув дверью. Виктор проводил его взглядом, полным ненависти, а затем повернулся ко мне. На столе появилась тарелка с куриным бульоном. Пар поднимался тонкими нитями.

— Ешь, родная. Тебе нужны силы.

Он взял ложку, подул на неё, проверяя температуру, и протянул ко мне.

— Ты сам будешь меня кормить? — спросила я, не открывая рта. Ложка уже была у губ.

— Конечно. Кто же еще позаботится о тебе?

Я открыла рот и приняла ложку. Бульон был теплым, солоноватым, с привкусом металла. Каждый глоток давался тяжело. В дверях мелькнула Кира — та женщина из палаты, что приносила Виктору документы. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, прижав руку к низу живота. Живот был слегка округлым. Халат расходился на животе, а она придерживала его снизу знакомым бережным жестом. Беременная? Я снова посмотрела на Виктора.

Виктор смотрел на меня, ожидая благодарности. Но стоило Кире приблизиться, он на секунду сжал её плечо, успокаивая этим жестом. Потом снова посмотрел на меня: сколько съела, не слишком ли бледная. Кире досталось короткое тёплое касание. Мне — следующая ложка бульона. Я едва успела проглотить, а он уже подносил её к губам.

Я проглотила последнюю ложку. Ощущение тошноты стало невыносимым. Я оттолкнула миску рукой.

— Хватит, — сказала я.

Виктор удивленно поднял брови.

— Алиса, ты слаба. Нужно есть.

— Хватит, — повторила я, закрывая глаза. — Хочу спать.

Он помедлил, но согласился. Поправил одеяло, коснулся моих волос. Прикосновение снова вызвало дрожь отвращения, которую я подавила.

— Спи, — шепнул он. — Завтра будет новый день.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал выстрелом.

Тишина. Гул вентиляции. Моё собственное сердцебиение.

Я лежала неподвижно, боясь дышать. Сон не шел. Мозг работал на пределе, перебирая обрывки информации. Розовый чехол. Живот Киры. Холодные глаза Артура. «Завтра.» Слово пульсировало в висках.

На тумбочке лежала моя сумочка. Маленькая, дорогая кожа, потертая на уголках. Я дотянулась до неё, пальцы дрожали. Внутри не было ни телефона, ни паспорта. Только связка ключей от дома и пустой бумажник со старой фотографией в прозрачном кармашке.

Я вытащила фото. Бумага была мягкой от времени. На ней молодой мужчина в рабочей форме стоит у строительной площадки, улыбаясь в камеру. За ним — каркас будущего отеля. Я не знала его имени. Не знала, кто он. Но стоило провести пальцем по его лицу, я прижала фотографию к груди. Отец. От этого слова заболело за грудиной. Не могла вспомнить ни одной нашей встречи, а убрать снимок обратно в бумажник уже не получалось.

На снимке отец улыбался широко, не прикрывая рта, как человек, которому ещё нечего стыдиться. Откуда тогда эта боль? Что с ним сделали — и почему мне захотелось спрятать

фотографию от Виктора? Я не могла ответить. Но фото оставлю у себя. Хотя бы этого человека муж не станет объяснять мне своим голосом. Я сжала бумагу так сильно, что ноготь впился в край, оставляя красный след на пальце. Боль помогла сосредоточиться.

Ночь тянулась бесконечно. Я считала минуты до рассвета. Каждое движение за дверью палаты отзывалось в голове вспышкой света. Шаги медсестры. Шуршание бумаги. Разговоры вполголоса в коридоре.

Глава 2

Рассвет начался с серого света за занавесками. Через час пришли юристы. Их было двое. Они не постучали. Просто вошли, заняли стулья вокруг кровати, разложив папки. Черные костюмы, белые рубашки, блестящие ручки. Один придвинул стул так близко, что я не могла спустить ноги с кровати. Второй сразу раскрыл папку; даже не спросил, могу ли я его слушать.

Виктор сидел рядом со мной, держа мою руку. Его пальцы впивались в кожу до боли. Он не отпускал. Контролировал.

— Алиса, — сказал первый юрист, мужчина с очками и редкими волосами. — Нам нужно подписать несколько документов. Согласие на стационарное лечение. Доверенность на управление активами в период восстановления.

Он протянул папку. Я взяла её. Руки тряслись так сильно, что страницы шуршали, как сухие листья. Текст плыл перед глазами. Я не могла прочитать условия. Не могла понять, на что соглашаюсь. Но я знала, что подписывать нельзя.

— Я... я не могу писать, — пробормотала я, глядя в потолок. — Голова болит.

— Это мелочи, Алиса, — сказал Виктор, наклоняясь к моему уху. Его дыхание пахло мятной жвачкой. — Просто поставь точку. Для врачей. Чтобы они не нервничали.

Его голос стал жестче. Не просьба. Приказ.

Юрист придвинул ручку.

В этот момент дверь открылась. Артур Денисов вошел без стука, как хозяин положения. Он оглядел комнату, его взгляд остановился на юристах.

— Плановый осмотр, — сказал он резко. — Освободите место.

Юристы переглянулись, но не двинулись.

— Мы заканчиваем формальность, доктор, — сказал один из них.

Артур шагнул вперед. Его локоть случайно, но точно задел стол юриста. Папка упала на пол. Ручка покатилась под кровать.

— Извините, — сказал Артур без тени сожаления.

Секунда тишины. Секунда хаоса.

Виктор смотрел на меня, ожидая, что я подберу ручку и поставлю подпись. Юристы поднимали папку. Артур стоял напротив, блокируя обзор.

Я не стала писать имя. Я подняла руку и резко, дважды махнула ею в воздухе. Знак «Нет». Жесткий, отчетливый.

Виктор увидел это. Его лицо окаменело. Цвет ушел из щек, оставив маску восковой бледности.

— Что вы делаете? — прошипел он, вырывая у меня руку. Боль была острой, как удар электрического тока. — Она дезориентирована! Вы настраиваете её против семьи!

Артур не ответил. Он просто посмотрел на Виктора. Спокойно. Холодно.

— Пациентка находится в шоковом состоянии. Любые юридические действия сейчас незаконны и опасны для её здоровья. Выйдите. Все.

Виктор колебался. Он посмотрел на папку в руках юриста, потом на мою руку. Подписи там не было. Я спрятала пальцы под одеяло: пусть теперь они дрожат сколько угодно.

— Хорошо, — сказал он медленно. — Но я останусь снаружи. И если она хоть раз потеряет сознание, я узнаю об этом первым.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что треснула штукатурка на стене. Юристы последовали за ним, собирая бумаги.

Комната опустела. Осталась только я и Артур. После хлопка двери я всё ещё ждала нового крика; слышно было, как я втягиваю воздух сквозь зубы.

Артур подошел к кровати. Он достал из кармана халата маленький черный предмет. Положил его на простыню рядом с моей рукой.

— Это диктофон, — прошептал он. — Микрофон скрытый. Включается кнопкой на торце. Он записывает все разговоры в этой палате. Даже те, которые ты слышишь во сне.

Я посмотрела на крошечную черную кнопку на торце. Такой маленький прибор — можно зажать в ладони. А если Виктор найдёт? Я подтянула к нему край простыни, пока ещё не решаясь коснуться.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы доказать, что ты в сознании. И чтобы собрать компромат на него. Виктор боится не тюрьмы. Он боится общественного мнения. А ты будешь его зеркалом.

Он наклонился ниже, его лицо было почти вровень с моим. Я чувствовала тепло его дыхания. Он говорил совсем близко, и я боялась пропустить хоть слово. Хотелось попросить: не уходи, побудь со мной. Но Артур уже дал мне прибор и ждал, возьму ли я его. Виктора придётся записывать самой.

— Через два часа я буду ждать у служебного входа, — сказал он. — Если хочешь жить — найди способ выбраться из этой ловушки. Если нет — оставайся куклой. Но куклы ломаются быстро.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась тихо, почти бесшумно.

Я осталась одна. Гул вентиляции. Свет за окном становился ярче. Виктор был за дверью. Сколько он ещё вытерпит, прежде чем вернётся с бумагами? Артур исчез в коридоре, а мне предстояло выбраться к служебному входу — без него.

Я взяла диктофон и нащупала кнопку на торце. До служебного входа ещё нужно дойти. Спустила ноги с кровати и подождала, пока пол перестанет качаться.

В коридоре заговорил Виктор. Я поспешно легла обратно, включила запись и сунула прибор под край матраса. Дверь приоткрылась; муж задержался у порога с Кирой.

— Медикаменты нужны, чтобы она не помнила, кто я такой на самом деле, — сказал он вполголоса. — Пусть думает, что это побочка. Главное — подписать опекунство до утра.

Я смотрела на стену, не моргая. Под матрасом больно упирался в пальцы край диктофона. Не выдать себя. Дать ему договорить.

Они ушли. Я дождалась, пока затихнут шаги, остановила запись и спрятала прибор в сумочку. Теперь в ней было что-то ещё, кроме ключей от дома, куда мне страшно возвращаться.

Каждый шаг в коридоре отдавался в висках. Даже сквозь закрытую дверь я различала цоканье каблуков. Медсестра Галина, которая исполняла каждое распоряжение Виктора, пришла раньше графика. По линолеуму она шла быстро, почти без остановок, прямо к моей палате. Если она войдет сейчас, то увидит, что я собираюсь уйти. А значит, мой план рухнет до того, как Артур сможет вывезти меня.

Горло перехватило от страха. Я резко сбросила одеяло, имитируя приступ паники.

— Нет! Не забирайте меня! — заорала я, вцепляясь ногтями в простыню. Соседняя палата вздрогнула: кто-то начал стучать по стене, требуя тишины, но для меня это была музыка. Пусть слышат. Если придётся говорить, что я ушла сама, хоть кто-нибудь вспомнит мой голос, а не только объяснение Виктора. Дверь открылась, но вместо спокойного голоса прозвучал крик охраны: «Что здесь происходит?»

В этот момент дверь распахнулась шире, и вошел Артур. Он не был похож на врача из телепередач: костюм смят, галстук дернут, в руках — планшет с бумагами. Он быстро оглядел комнату: охрана, Галина, кровать. На мне задержался дольше — я уже сидела без одеяла, готовая встать.

— Здесь подпиши, — он сунул мне ручку и придержал бумаги, чтобы я видела строку. — Добровольный отказ от стационарного лечения. Иначе я не могу тебя увезти легально. Похищение пациента — это срок. Для нас обоих.

Я посмотрела на тонкую пластмассовую ручку. На пластике остался резкий запах его дезодоранта. Я всё ещё не протянула руку.

— Если я подпишу, Виктор скажет, что меня увели насильно, используя твою власть как врача, — прошептала я, не беря бумаги. — Если нет — ты станешь маньяком в глазах следствия. Ты загнал себя в угол, Артур. Или ты знаешь выход лучше, чем говоришь?

Артур сжал челюсть, всё ещё держа ручку между нами. Он принёс готовое решение, а я посмела остановить его посреди побега.

— Прочитай, — сказал он. — Ты уходишь сама. Здесь так и написано.

Я прочла строку дважды и подписала. Отказ от лечения — не доверенность Виктору. Хорошо. Пусть Артур привыкает: бумаги без вопросов я подписывать больше не собиралась.

— Галина, передайте отказ заведующему. Сейчас, — сказал Артур и отдал ей верхний лист. Охранник потянулся к оставшимся бумагам, но Артур заслонил их планшетом. — С мужем обсудите в коридоре. Пациентка уже ответила.

Пока они отходили к двери, он подставил мне локоть. Я встала и вышла рядом с ним, стараясь не смотреть на охранника.

В коридоре раздался резкий женский смех. Кира. Личная ассистентка моего мужа, с округлившимся животом, стояла у окна, прижав телефон к уху.

— Виктор, они вместе! Врач пытается...

Артур двигался быстрее, чем можно было ожидать от человека, чья работа требует ювелирной точности. Он перехватил телефон Киры одним рывком, выбив его из её руки так, что стекло треснуло. Кира вскрикнула, отшатываясь назад. Артур толкнул её плечом обратно в соседнюю палату и захлопнул дверь, активируя магнитный замок. Щелчок прозвучал как выстрел.

— Тишина, — сказал он ей сквозь дверь. Потом повернулся ко мне. — Бежим.

Лифт был заблокирован. Красная лампочка мигала над закрытыми створками. Я всё ещё смотрела на неё, надеясь, что лифт откроется, — и потеряла ещё секунду. Охрана уже бежала по лестнице. Мы оказались в пожарном пролете. Воздух там был спертым, пахло пылью и старой краской. Голова закружилась так сильно, что пол под ногами стал качелями. Я схватилась за перила, пальцы скользили по холодной стали.

— Я могу идти сама! — огрызнулась я, чувствуя унижение от собственной слабости.

Артур не ответил. Он просто подхватил меня на руки, как мешок картошки, игнорируя мои протесты. Его тело было твердым и горячим, а запах — смесь антисептика и дорогого табака. Я вцепилась в ткань на его плече, хотя только что требовала отпустить. Он мог унести меня куда угодно. Чтобы не думать об этом, считала лестничные площадки и следила, не приближается ли топот сверху. Он бежал вниз, дыша тяжело, и каждый шаг отдавался ударом в мою грудь.

На выходе из здания клиники нас ждали не полицейские сирены, а вспышка камеры. Частный детектив Виктора, бывший сотрудник службы безопасности отеля, стоял у служебной машины. Он улыбался, щелкая затвором. Это была ловушка. Фотографии «похищения» пациентки врачом уже летели в облако юристов Верещагина.

— Не заводите двигатель, — прошипела я, когда Артур посадил меня в свой черный внедорожник. — Мы едем не домой. Они ждут нас там.

Он удивленно посмотрел на меня, но ключи уже торчали в замке зажигания.

Глава 3

Машина заглохла посреди пустого промышленного района на окраине Петербурга. Мотор чихнул и замолчал. Я сначала не поверила — вслушивалась, ждала, что заработает снова. За окном чернели остовы заброшенных фабрик. Ни человека, у которого можно спросить дорогу, ни освещённого входа.

Паника поднялась волной, ударив в горло. Мы были в чужом районе, вдали от клиники. Моего телефона по-прежнему не было, а чужим я не могла позвать на помощь, не выдав нас.

— Что случилось? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

Артур спокойно вышел из машины. Он достал из багажника старый рюкзак с инструментами, которые выглядели слишком изношенными для хирурга.

— На эвакуатор времени нет, — буркнул он, открывая капот. — Пока будем ждать, твой фотограф успеет сюда. Поэтому инструменты вожу с собой. Такая страховка.

Я смотрела на его руки под капотом. В палате ими раздвигал мне веки, теперь без колебаний брался за провода. Даже рукава не пожалел. Хотелось спросить, часто ли ему приходится чинить машину после побега с пациенткой. Не спросила: ещё испугает ответом, а ехать мне всё равно с ним.

Лофт Артура у воды оказался не квартирой, а бункером. Глухие бетонные стены, отсутствие личных фото, только холодная сталь мебели и панорамное окно, выходившее на черную гладь залива. Я искала глазами место, куда можно поставить сумку и сесть, не чувствуя себя в приёмном покое. На стальном столе даже царапины были видны; ни скатерти, ни случайно забытой чашки.

— Ешь, — он поставил передо мной тарелку с бутербродами и стакан воды.

Я не двинулась. Внутри всё сжалось от паранойи. Снотворное? Яд? Он мог убить меня прямо сейчас, пока я беспомощна после травмы.

Артур заметил мой взгляд. Он взял кусок хлеба, откусил его и медленно прожевал, глядя мне прямо в глаза.

— Я мог убить тебя в клинике, когда ты была в отключке. Я не стал. Ешь, Алиса.

Я взяла именно тот бутерброд, от которого он откусил. Мелкая, унизительная предосторожность; Артур заметил и ничего не сказал. Лучше так, чем ложка у рта и ласковое «родная». Этот хотя бы позволял мне самой решить, что проглотить.

Я подошла к окну. На чёрной воде рябили отражения городских огней. Следила за одним: то распадалось на полоски, то собиралось снова. Хотелось хоть немного перестать смотреть на Артура. Вдруг ноздри защипало от воспоминания. Запах сигарет Виктора, сладковатый и тошнотворный. Фраза, сказанная в машине перед аварией: «Ты слишком много знаешь, Алиса».

Я обернулась. Артур мыл руки в раковине, шум воды заглушал биение сердца.

— Откуда ты знал, что он попытается забрать меня сегодня? — спросила я, и голос дрогнул.

Артур вытер руки полотенцем, не поднимая глаз.

— Потому что я читал его переписку с твоим адвокатом три дня назад. И потому что я знаю, как пахнет страх у таких, как он.

Диван будто накренился подо мной, и меня вырвало желчью прямо на серую обивку. Я попыталась встать, но колени подломились. В голове гудело; даже прижать ладони к вискам было больно. За несколько минут до этого я ещё собиралась распоряжаться своими счетами. Алиса Верещагина, топ-менеджер сети отелей с оборотом в миллиарды. Теперь не могла подняться с испачканного дивана и ужасно боялась, что меня снова начнут кормить с ложки.

Артур стоял рядом. Пока я пыталась отдышаться, он поставил передо мной стакан воды. Пришлось самой потянуться за ним. Холодный, запотевший пластик. Он следил, смогу ли я

удержать стакан. Хотелось, чтобы отвернулся хотя бы на минуту: я и без его взгляда видела, в каком состоянии.

— Маленький глоток, — сказал он тихо, придерживая стакан снизу. — Не надо сразу вставать. Сначала убедимся, что тебя больше не тошнит.

Я хотела швырнуть в него стаканом, но прежде пришлось удержать его обеими руками. Вот до чего дошла: даже скандал нужно отложить, пока не перестанут дрожать пальцы. Сделала глоток. Холодная вода смыла горечь с языка.

Я закрыла глаза, пытаясь вызвать картинку аварии. Металлический скрежет, вспышка света, боль в виске... Нет. Только белый шум. И запах бензина, въевшийся в волосы, который не смыть даже под душем. Паника поднялась волной, перехватывая дыхание. Я начала дрожать, мелко и противно.

Артур заметил это. Он присел напротив и опустил ладонь на край дивана, возле моего колена.

— На меня смотри. От света боль сильнее? В правом ухе ещё звенит?

— Да. И да. Я сейчас умру?

— Сейчас ты отвечаешь мне. Про аварию пока не думай. Головная боль изменилась с того времени, как мы приехали, или такая же?

— Такая же. А тошнит сильнее.

Он притушил верхний свет, взял фонарик и проверил зрачки — быстро, прикрывая ладонью второй глаз. Потом попросил проследить за его пальцем и задержался напротив, пока я не смогла спокойно ответить, где нахожусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.